

ОБЩЕСТВО СОЗРЕЛО, ИЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Политическая система современной России испытывает вызов со стороны двух трендов: общецивилизационного и российского.

Если говорить об общецивилизационном тренде, то он связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, череда революций, которые прошли в XIX – XX веках, имела следствием нарастание втягивания в систему властных отношений все большего количества граждан. Именно это обстоятельство позволило Б. де Жувенелю сделать вывод, что вся история есть процесс возрастания власти, ее расширения и все более глубокого проникновения в тело общества. В этом плане современная зрелая демократия – общество, в котором каждый контролирует каждого, общество ответственности всех перед всеми, что, кстати, очень раздражает наших соотечественников, попадающих туда. При этом суверенем становится само общество, а смена политической власти происходит без революций, потому что сама демократия есть встроенная в политическую систему перманентная «революция», обеспечивающая ротацию политического класса без выхода за правовое поле. В незрелых же демократиях происходят «революции», меняющие не строй, а все тот же политический класс.

Во-вторых, за последние десятилетия изменилась ткань и содержание политической элиты и власти. Некоторые называют это неокорпоративизмом, другие – постдемократией. Имеется в виду, что реальные проблемы современных государств не могут быть решены без участия крупных компаний, и власть все более от них зависима. Произошло не просто сращивание власти и бизнеса – это практически одни и те же лица. И смена политической власти происходит при помощи хорошо известных всем технологий: политической рекламы, PR, политического маркетинга, манипуляций. Ключевую роль в смене власти играют партии, но они уже не выражают идеологии каких-либо больших классов, а выступают неким проектом по мобилизации электората вокруг ярких личностных брендов. Так проходят выборы в Британии, Германии, США. Далее возникают вопросы конкретных коммуникаций и конкретного механизма взаимодействия общества и власти.

Нетрудно заметить, что эти два обстоятельства дополняют друг друга, придавая современной политической культуре довольно целостный вид, как с точки зрения формального дизайна, так и с точки зрения содержания. И нельзя не признать, что Россия находится в этой цивилизационной ситуации. Современное российское общество — современное. Оно соответствует общецивилизационному тренду. Это массовое информационное общество, в котором складывается соответствующая ему политическая культура. В этом смысле нынешняя российская власть — типична: типична по дизайну и технологиям, но не по существу. Она оказалась удивительно неадекватной.

В чем причины этой неадекватности? Российская власть не просто не готова вести диалог с обществом. Она со звериной серьезностью относится к себе самой, своему пребыванию в качестве власти, препятствуя собственной ротации, зачищая сам политический класс. Любую попытку осмысленного диалога, оценки своей деятельности она рассматривает как покушение, как претензию на власть. Еще несколько лет назад можно было списывать такую ситуацию на некоторую незрелость российского общества. Выборы и отношение общества к ним ситуацию прояснили.

Выборы в Государственную Думу, прошедшие в декабре 2011 г., их проведение и итоги показали неадекватность российской политической системы — как современному цивилизационному тренду вообще, так и современному российскому обществу в частности.

Власть оказалась неадекватной самому российскому обществу. Политический класс проглядел произошедшие в обществе перемены. За «тучные» годы выросло поколение граждан, у которых зона ответственности вышла за границу кожно-волосяного покрова, у которых появились недвижимость, личный транспорт. У некоторых — не только работа, но и бизнес. Они платят налоги. Они ждут на переходе зеленый свет, стараются соблюдать ПДД. Они уже поняли, что если кто-то на дороге нарушает правила, то не едут все. А чтобы все ехали, надо чтобы все придерживались правил. У них не только появились интересы, но и некоторое достоинство. Они не хотят потрясений. Наоборот. Они хотят, чтобы все было по правилам. В качестве наблюдателей на участки пришли вполне состоявшиеся успешные люди, со своими айфонами. Все факты манипуляций и неправовых действий, которыми переполнен Интернет, сняты их личной аппаратурой, а не предоставленной кем-то.

И их обидели. Более того — оскорбили. Эти люди могут простить вранье политиков до выборов — это воспринималось как политическая реклама, в которой можно и себя приукрасить, и конкурента опустить. Они могут пусть не простить, но понять даже вбросы бюллетеней: ну, грех не воспользоваться чьим-то недоглядом — наш слегка вороватый гражданин может это понять. Но он уже грамотный и понимает, что вбросы при нормальной явке могут дать не более 15% на выборах. Он также хорошо понял, почему власть убрала порог явки: чем ниже явка, тем более эффективен административный ресурс. Поэтому россияне пришли на избирательные участки и проголосовали таким образом, каким их вынудила это сделать власть, убрав графу «против всех». В итоге власти сами загнали себя в угол и получили мощное протестное голосование, в ходе которого многим было безразлично, за кого голосовать, лишь бы не за партию власти.

Но... Они, налогоплательщики, голосовали, а председатель избирательной комиссии сбегает с урной и подменяет протокол, воруя, уничтожая ИХ голоса! И понятно, что при потворстве и по заказу власти! И все это зафиксировано на видео, предъявлены подписанные протоколы, а власть называет выборы честными и признает их результаты!

Люди могут простить многое. Ошибку, даже преступление понять можно. И простить раскаявшегося. Даже измену можно простить — в случае искреннего раскаяния и искупления. Люди не прощают одного — когда они понимают, что были объектом манипуляции, потому что это не ошибка, и не слабость, а злая, холодная, расчетливая воля. И когда ты понимаешь, что был только игрушкой этой воли, носителя этой воли отрезает напрочь. И разоблаченная манипуляция всегда бьет по манипулятору. На короткой дистанции манипулятор может выиграть. На длинной — всегда проигрывает. Поэтому, кстати, мы и живем в стране с непредсказуемой историей.

А тут... Мало того, что обещанные «инновации и модернизация» оказались пустой болтовней, а «рокировка», о которой, оказывалось, «давно договорились», полностью дискредитировала местоблюстителя... Мало агрессивной цензуры в СМИ... Так — просто и прямо, у тебя на глазах воруют твой голос и говорят, что все по закону!

Такого издевательства над собой граждане простить не смогли. Власть, нарушив закон, фактически, поставила себя вне закона. Последующие за этим митинги имели под собой не только эмо-

циональную подоплеку — донести до власти, что она имеет дело с людьми, которые требуют к себе уважения. Очевидна и рациональная составляющая — требование к власти соблюдать закон.

Смысл протестов прост и очевиден. От власти требуют соблюдения закона — правил, ею же установленных. А власть сама демонстративно поставила себя вне закона. И в этом ее неадекватность, которая сначала могла вызывать возмущение, но затем, своей первой реакцией — уже просто смех над ее несостоятельностью. А это уже симптом утраты легитимности, признания власти за таковую. Люди выходили на улицу под лозунгами неклассового, неэкономического содержания: «Достало врать — довралось брать!» Или: «Этот митинг снят на частной квартире». Так что вышли люди с совершенно иным восприятием реальности, относящиеся к политикам как к медийным персонажам. На власть никто из протестующих не претендует. Но люди хотят, чтобы «чуваки из ящика» играли по правилам. Более того, неадекватность власти уже вызывает смех. И это признак того, что ее легитимность ходит ходуном.

И что же власти могли делать в этой ситуации? С точки зрения самих властей их реакция была абсолютно понятной. Незамедлительно последовали резкие, но точные шаги по спасению президентской избирательной кампании. Руководители государства напрочь отрицали очевидное — массу нарушений на выборах. Президент Медведев заявил о необходимости ввести мораторий на уличные протесты. Тем самым выигрывалось какое-то время. На протестные митинги в срочном порядке мобилируются отряды «нашистов». Были предприняты энергичные шаги по недопущению на выборы О. Дмитриевой. Если бы она участвовала в предвыборной борьбе, нацидлеру, скорее всего, не удалось бы отмолчаться, что-то да пришлось бы говорить по делу. Кроме того, мачистские шуточки проявили бы все свое мелкотравчатое подворотное хамство. Выборы приобрели бы принципиально иной характер с точки зрения политического дизайна, и стал бы вполне вероятным второй тур с открытым результатом. Но эсеры проявили свою сервильность и выдвинули отказавшегося было Миронова. Был быстро очерчен круг остальных кандидатов. Для придания картине завершенности и выпуклости был введен М. Прохоров как некое пугало экономического либерализма — с его заявлениями о 60-часовой рабочей неделе, повышении пенсионного возраста, куршевельскими шалостями.

Если же оценивать реакцию властей с точки зрения гражданского общества, естественно, наилучшим ответом стало бы расследование ситуации в избиркомах и принятие конкретных мер. Это единственный способ дать протестующим понять, что они услышаны. Но это весьма опасно для власти — председатели избиркомов могут начать говорить — ведь не по своей же инициативе взрослые дядьки и тетеньки пошли на прямые преступления, кто-то дал им указания и гарантии безнаказанности. Ничего, кроме логики... Следствия по вертикали ведут к источнику беззакония, лжи и насилия, транслируемого из этого источника.

Впрочем, если бы власти правильно оценили остроту момента и грамотно задействовали свой ресурс, убедив председателей нескольких ТИКов (территориальных избирательных комиссий) вести себя «правильно», то могли бы пройти голосование с незначительными потерями и установить коммуникацию с обществом.

Оставляя ситуацию неизменной, власть бросает вызов собственной легитимности. Всякая власть является таковой только в случае признания ее гражданами, в случае их готовности подчиниться ей. Если власть прибегает ко лжи, насилию — это признак ее слабости. И не только. Она пытается защитить себя от общества.

Нынешнюю российскую власть терпели, несмотря на откровенное самообогащение, воровство, дискредитацию демократии, правосудия, откровенное вранье, шутовские игры в модернизацию, часовые пояса, безнаказанность милицейских поросей переkreшенных в полицейских карасей... Все это не прощалось, но терпелось... Даже когда эти «юристы» и «правоохранители» бравировали своим цинизмом.

Но, похоже, они со своим цинизмом заигрались. Речь идет о не просто бесчестном проведении последних выборов, не просто об откровенном игнорировании волеизъявления граждан, не о недопущении оппозиции до ТВ или отказе в регистрации. За манипуляцией до и во время выборов еще могут следить наблюдатели. Речь о том, до чего не додумаются никакие наблюдатели — им это просто не может придти в голову — о прямой подмене бюллетеней, документов, фиксирующих волеизъявление. Воля граждан — конституционного суверена России — отправлена на помойку, в печку, в бумагорезки. Это не просто неспособность соблюдать закон, делиться властью. Это страх. Что и подтвердили последующие дни.

Есть только два способа установления государственного суверенитета. Или сувереном устанавливающим политическую и правовую систему является общество, учреждающее легитимную в

его глазах власть — если это невозможно в рамках существующего права, например, с помощью выборов, это делается посредством революции, выхода за правовые рамки, на который общество имеет право как суверен.

Или это власть, находящаяся вне права и морали, учреждающая некое новое государство. Это случаи режима оккупации или чрезвычайного положения. Они творят незаконное насилие, устанавливая новый закон, создавая новое государство, которое сможет существовать, тем не менее, только если будет признано гражданами, согласившимися на этот новый закон.

«Состоявшиеся» «выборы» *НЕЗАКОННЫ*. Проведя их таким образом, *ТАК* поступив с законами, российская власть вышла за правовые рамки, поставила себя вне закона. И это *ЕЕ ВЫБОР*. Насколько суверенна такая власть? Фактически она ввела чрезвычайное положение, поставив общество вне закона. А тем самым — и саму себя. И не ради какого-то нового — будущего государства. А ради простого биологического самосохранения.

Присущая исторически российскому человеку сакрализация верховной власти уходит в прошлое. Вызрело неоконсервативное восприятие власти — как наемного менеджмента, который должен эффективно заботиться о благе общества. А нынешняя власть не может этому соответствовать — хотя бы просто в силу своей «кредитной истории». Было нечто, что прекрасно понимали Иван Грозный, Иосиф Виссарионович, Никита Сергеевич и Леонид Ильич: необходимость ограничения спецслужб и недопущения их к полноте власти, потому что у работников спецслужб есть профессиональное сознание «работы на холоде», вне правовых рамок. Право для них — помеха. Это — во-первых. А во-вторых, им нужно противостояние неким врагам: снаружи и внутри. Если таких врагов нет, они их создают. Основная драма современной российской политической культуры в том, что к власти пришла именно эта категория людей, которые могут решать задачи, разруливать ситуации, но они не могут поставить цель, не могут консолидировать общество на позитивной конструктивной основе.

Нынешние российские власти не видят необходимости в выстраивании коммуникаций государства с обществом при решении тактических задач. Они не видят в обществе партнеров. Они видят массы, которым не доверяют. Наиболее отчетливо это выразилось в полном недоверии к некоммерческим организациям. Помните реплику главы государства, который сказал: «Не с той руки едят»? Имелось в виду получение международных грантов разного рода

благотворительными и общественными организациями. Правовую и налоговую ситуацию поменяли таким образом, что теперь легче создать заведомо убыточную коммерческую структуру, чем некоммерческую организацию. А ведь общественные организации — это одна из основных составляющих ткани гражданского общества в современных демократиях, они способны не только принимать на себя решение определенных социальных проблем, но также транслировать наверх информацию о наиболее болезненных вопросах. Российские власти увидели в этой силе реальных конкурентов. Это лишь один из примеров, демонстрирующий, что власти искусственно противодействуют процессу взросления гражданского общества в стране.

На первый взгляд, Интернет дал обществу мощный инструмент воздействия на власти и понуждения их к диалогу, вне зависимости от желания «верхов». Но не стоит забывать, что инструмент это обоюдоострый. Власть под колпаком у общества, но и мы под колпаком у власти. Можно обменяться любезностями в виде взаимного взлома сайтов. Можно следить друг за другом. Провоцировать друг друга с применением современных информационно-коммуникативных технологий. К тому же сейчас пространство Интернета, похоже, переживает фазу сегментации. Если ранее шел лавинообразный процесс нарастания информации, то сейчас есть некоторые признаки организации коммуницирования по группам интересов, включая элементы закрытости. Это облегчает власти мониторинг настроений и целевое применение манипулятивных приемов.

Каковы ближайшие перспективы? Со стороны общества мы имеем дело с новым качеством правозащитного движения. При чем массовым, а не маргинальным. Старая идея советского математика Есенина-Вольпина: тыкать власть носом в ее же законы, — неожиданно овладела массами, обрела социальную базу в лице широкого слоя людей, которым хочется жить по правилам. И они вышли после выборов на митинги, чтобы донести наверх простую мысль. Я, гражданин, веду себя пристойно: плачу налоги, работаю, не уповаю на государство, над повышением своего благосостояния. Я пришел на выборы и отдал свой голос за тех, за кого считал нужным. И жду симметричного ответа от властей. А именно — пристойного поведения и соблюдения правил.

Будущее России во многом зависит от готовности власти признать над собой главенство правовых норм. Либо власть показывает, что она тоже ограничена законом, либо лодка будет

раскачиваться дальше. И раскачиваться властью, ставящей себя не столько над законом, сколько вне его.

В ближайшей перспективе решающий характер приобретают президентские выборы в марте 2012 г. У власти есть шанс. И он связан с возможностью реального развития российского общества. Власть должна ответить на мощный запрос этого общества, это запрос не просто на справедливость, а на соблюдение закона и на равенство перед этим законом всего общества, включая власть и ее представителей. И через год-полтора – проведение новых досрочных нормальных выборов. Пошедшая на это власть получит полную поддержку граждан. Это будет технология. Но технология понятная и одобряемая, потому что она приведет к ситуации адекватности власти обществу и взаимному доверию.

Пока же общество не на много, но опережает власть. И если оно сохранит гражданское давление и контроль и сможет противостоять встречным провокациям и без конфликтов, сохраняя спокойствие, создавать коридор эволюции власти, довести президентские выборы до второго тура с открытым концом, то... результат будет тот же – серьезный шаг к формированию в России адекватной политической системы.

Аннотация

Итоги прошедших выборов в Государственную Думу РФ, общественная реакция на их итоги вскрыли качественно новую политическую ситуацию. На политическую арену вышли новые социальные силы. Период между этими выборами и выборами Президента станет периодом осмысления этой ситуации и практических выводов – как со стороны правительства, так и общества. Главная задача российского гражданского общества – обеспечение второго тура президентских выборов с непредсказуемым концом.

Ключевые слова: власть, выборы, легитимность, протесты, современная Россия.

Summary

The results of the elections to the State Duma, the public reaction to their results revealed a qualitatively new political situation. The political arena came new social forces. The period between the elections and presidential elections will be a period of reflection of this situation and practical conclusions - both the government and society. The main task of Russian civil society – providing a second round of presidential elections with an unpredictable ending.

Keywords: government, the elections, the legitimacy, the protests, Russia today.